

В. К. Кельмаков, Диалектная и историческая фонетика удмуртского языка. Ч. 1, Ижевск, Издательский дом «Удмуртский университет», 2003. 276 с.

Автором данного издания, профессором Удмуртского государственного университета В. К. Кельмаковым в последние годы опубликованы фундаментальные работы по диалектологии и истории изучения удмуртского языка, в том числе «Краткий курс удмуртской диалектологии. Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография» (Ижевск 1998); «Очерки удмуртского языкознания» (Ижевск 2001); «К истории удмуртского и пермского языкознания. Хрестоматия по курсу «История изучения удмуртского языка»» (Ижевск 2002).

Рецензируемая книга посвящена диалектной и исторической фонетике удмуртского языка. В нее включены работы, созданные автором в течение почти всей его научно-исследовательской деятельности и опубликованные в различных научных сборниках. В. К. Кельмаков скромно называет книгу учебным пособием, хотя по всем параметрам она представляет собой научную монографию, которая состоит из введения и трех логически взаимосвязанных основных частей, посвященных общим проблемам развития фонетической системы удмуртского языка, источникам ее изучения; развитию удмуртского языка; фонетическим изменениям прапермского периода.

В первый раздел вошел обзор источников изучения исторической фонетики и анализ развития фонетической системы удмуртского языка. При исследовании истории языков в качестве основных источников по традиции выделяются застывшие формы современного литературного языка, письменные памятники, диалекты, родственные языки, заимствования, ономастика, причем для исследования истории удмуртского языка важнейшими являются диалекты, которым отведена основная часть раздела. Один из существенных вопросов диалектологии любого языка — диалектное членение. В книге дан обзор научных

изысканий по описанию удмуртских диалектов, уточнены основные термины для обозначения единиц диалектного членения языка: говор, диалект, наречие, которые трактуются не всегда однозначно. В одной из статей в качестве критерия автор использует особенность вокализма современных удмуртских диалектов, выделяя пять основных типов, на основе которых производится трехчленное деление удмуртских диалектов (система в шесть, семь и 8—10 гласных), которое, по мнению исследователя, отражает более ранние этапы диалектного развития (Опыт классификации удмуртских диалектов по некоторым особенностям вокализма, с. 36—44). Автор прав, что для описания языка как сложной иерархической системы пространственно-структурных единиц наиболее перспективен комплексный подход, включающий фонетические, морфологические и лексические особенности. В следующей статье (К вопросу о диалектном членении удмуртского языка, с. 45—75), учитывая комплекс диалектных особенностей, В. К. Кельмаков предлагает несколько видоизменную модель диалектного членения, в которую включены четыре структурно-пространственные единицы: 1) северное наречие; 2) южное наречие, куда вошли южное и периферийно-южное наречия; 3) срединные говоры; 4) бесермянское наречие. Это членение нашло применение в трудах отечественных и зарубежных специалистов в области пермского языкознания (напр., Карпова 1997 : 189; Bartens 2000 : 24—25). Карты (№ 1—7) не только наглядно показывают диалектные особенности, но подтверждают и правильность выделения диалектных единиц.

В статье «Современные диалекты и вопросы исторической фонетики удмуртского языка» (с. 75—87) на основе диалектного материала, в основном междиалектных корреспонденций фонем, объясняются аспекты формирования и развития фонетической системы уд-

муртского языка (история фонемы *ʏ, переход общеперм. *r- в аффрикаты ʃ- (ʃ-) и ʒ- (ʒ-) и т.д.).

Одной из нерешенных проблем удмуртской диалектологии остается происхождение бесермян и их языка, относительно которого в научной литературе сосуществуют две диаметрально противоположные гипотезы: тюркское или же удмуртское (финно-угорское) происхождение. Свое мнение по этому вопросу имеет и В. К. Кельмаков (К вопросу о болгарском субстрате в языке бесермян, с. 87—98; Бесермянское наречие в системе удмуртских диалектов, с. 99—135). Детально изучив фонетические и морфологические особенности диалекта, он распределяет их на пять групп: 1) собственно «бесермянские» черты, не имеющие параллелей в других диалектах; 2) гипертрофированные на бесермянской почве явления, спорадически встречающиеся и в других удмуртских диалектах; 3) явления локального распространения в северной и южной диалектных зонах; 4) явления, объединяющие бесермянское наречие с североудмуртскими говорами; 5) черты, сближающие его с южным наречием, особенно с периферийно-южными говорами. На основе данной классификации делается вывод, что по своему происхождению эти особенности разнородны, их нельзя объяснить однозначно — как тюркоязычные или как удмуртские. Большинство из них составляют явления, объяснимые с позиций удмуртского языкознания, и только часть возникла, скорее всего, под поздним влиянием татарских диалектов. В то же время эти особенности дают основание выделить бесермянское наречие, наряду с северным и южным, в третье наречие удмуртского языка.

Удмуртский относится к языкам с поздней письменной традицией (письменные памятники известны лишь начиная с XVIII века), поэтому В. К. Кельмаков совершенно справедливо отмечает, что письменные памятники удмуртского языка не могут служить основным источником для исторической фонетики. Однако они все же дают некоторый материал для реконструкции

древнего звукового облика отдельных слов, позволяют проследить поздние фонетические процессы в диалектах и установить их хронологию (Дореволюционные письменные памятники как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка, с. 135—145).

В развитии языков немалую роль играют межъязыковые контакты, при которых языки (диалекты, говоры) в разной степени испытывают инновационное и консервирующее воздействие. Поэтому в книге особо подчеркивается необходимость использования заимствований удмуртского языка для изучения исторической фонетики, а именно: для реконструкции фонетической природы некоторых праудмуртских фонем, выяснения направления фонетических изменений, уточнения причин фонетических изменений и определения абсолютной хронологии фонетических процессов (Заимствования как источник изучения исторической фонетики удмуртского языка, с. 146—156). Удмуртский язык в разные периоды развития контактировал с индоиранскими (в общепермский период), болгарским (в общепермский и раннепраудмуртский), татарским и русским (с праудмуртского периода до настоящего времени) языками. Каждый из них оказал определенное воздействие на удмуртский язык. Более длительные контакты, которые продолжаются в настоящее время, отмечаются с татарским и русским языками. Поэтому отдельные статьи посвящены рассмотрению заимствований из этих языков, в которых обосновывается необходимость их привлечения при исследовании исторической фонетики. Особенно сильное влияние татарского языка отмечается в периферийно-южном наречии. Именно этими контактами исследователь объясняет следующие языковые факты: 1) изменение акустико-артикуляторных признаков некоторых фонем (изменение $j > \tilde{j}$; огубленное произношение a); возникновение новых позиционных вариантов (появление вариантов согласного l); 3) синтагматические и прагматические фонемные изменения (появление деканья в периферийно-южном наречии,

гармонии гласных в татышлинском диалекте и т.д.); 4) сохранение архаичных элементов (фонема **ʏ*) (Удмуртско-татарские языковые контакты и некоторые особенности периферийно-южного наречия удмуртского языка, с. 156—168). Влияние русского языка в большей мере отразилось на северном, бесермянском наречиях и на срединных говорах, что стало одной из причин изменения (передне)среднерядных **ı̄*, **ȫ* и заднеязычного носового **ʏ̄*. В то же время благодаря воздействию татарского языка отмечается сохранение этих фонем в периферийно-южном наречии, последней также в южном. На примере удмуртского языка В. К. Кельмаков показал необходимость комплексного использования источников при изучении истории языка, так как каждый из них дает определенный материал для решения исторических проблем, реконструкции системы гласных и согласных фонем, уточнения закономерностей фонемной синтагматики, причин и хронологии некоторых фонетических процессов.

Раздел завершает статья, в которой дана оценка работы Д. В. Бубриха о пермском вокализме (1929). По мнению В. К. Кельмакова, она имела программный характер для развития исторической пермистики, так как в ней представлена первая попытка периодизации истории удмуртского языка, предложен метод комплексного использования источников при изучении истории фонетической системы (Программные тезисы Д. В. Бубриха по истории пермских языков, с. 184—188).

Во втором разделе рассматривается периодизация истории удмуртского языка. В литературе были уже некоторые попытки периодизации. Однако на фонетическом материале с указанием основных периодов в развитии фонетической системы, важнейших фонетических процессов каждого периода и хронологических рамок периодизация истории удмуртского языка впервые произведена В. К. Кельмаковым в статье «К вопросу о периодизации истории удмуртского языка. На материале исторической фонетики» (с. 190—201). Выделены

этапы развития удмуртского языка: 1) прапермский период (сер. II тыс. до н.э. — IX—X вв., общепермские изменения — преобразование системы вокализма, сужение и спорадическая лабиализация гласных первого слога, деназализация, отпадение конечных гласных, имеющие идентичные последствия во всех пермских языках); 2) праудмуртский (дописьменный удмуртский), который делится на два подпериода: а) ранний праудмуртский язык (X—XIV—XV вв., процессы общеудмуртского характера — репласация ударения; переход прапермского анлаутного **ɣ* в *ʃ̣*- (*ʃ̣*-) и *ʒ̣*- (*ʒ̣*-); сужение праперм. **a* (или **a̱*); сужение праперм. **o* в *u*); б) поздний праудмуртский период (XV—XVIII вв., фонетические изменения, имеющие разные рефлексy в современных территориальных диалектах); 3) современный удмуртский язык (с XVIII в. по настоящее время, фонетические изменения имеют спорадический и периферийный характер). Данная периодизация на основе использования других языковых фактов была детализирована Ш. Чучем, который выделил пять этапов развития удмуртского языка, не включая прапермский (Чуч 1992).

Третий раздел посвящен фонетическим изменениям прапермского языка, обусловленным отпадением конечных гласных основы. Этот процесс по значимости для истории пермских языков В. К. Кельмаков сравнивает с падением праславянских редуцированных в истории древнерусского языка. Ведь именно с отпадением конечных гласных основы связаны значительные изменения на всех уровнях языковой системы прапермского периода, а именно: перестройка фонологической структуры основы; перемещение морфемного шва; возникновение морфонологических чередований в корне; перестройка акцентуационной системы; сужение и лабиализация гласных первого слога; фонологизация звонких согласных; деназализация сочетаний носовых согласных с смычными, аффрикатами; образование новых морфем (показателя аккузатива); возникновение омонимии корней. Сложное воздействие различных факторов на

протекание языковых процессов наглядно представлено в таблице. В. К. Кельмаков особо останавливается на объяснении двоякой огласовки посессивных суффиксов и суффикса инструменталя. Попытки объяснения данного явления известны в пермистике как «семантическая» и «фонетическая» теории. В. К. Кельмакову удалось не только объединить эти теории, но и установить последовательность развития суффиксов, выделив три этапа: (1) «фонетический»; (2) «семантический», (3) «морфологический». При объяснении языковых фактов особо подчеркивается роль аналогии (Взаимодействие факторов различных уровней в истории пермских языков, с. 214—237). В статье «Роль отпадения конечных гласных основы в развитии фонетического строя пермских языков» (с. 202—214) более подробно рассмотрены деназализация и перестройка акцентуации.

Книга В. К. Кельмакова представляет собой значительный вклад в пер-

мистику. Она одинаково важна как для удмуртского, так и для коми языковедения. Ведь даже в период самостоятельного развития в пермских языках параллельно протекали одинаковые процессы (изменения среднерядных **i*, **o* и заднеязычного носового согласного **ŋ*, спорадическая лабиализация гласных первого слога и др.), обусловленные одними и теми же причинами (см. Некрасова 2002). Следует отметить, что в книге пересмотрены некоторые теоретические положения, не нашедшие удовлетворительного решения в научной литературе, уточнены и изучены вопросы, поставленные в свое время В. И. Лыткиным, Д. В. Бубрихом и другими лингвистами. Несмотря на то, что в ней рассмотрены в основном проблемы удмуртской диалектной и исторической фонетики, статьи имеют определенную ценность для диахронной фонетики вообще, для установления типологических изменений в языке.

Л И Т Е Р А Т У Р А

- Б у б р и х Д. В. 1929, К вопросу о пермском вокализме. — Бюллетень Ленинградского общества исследователей культуры финно-угорских народностей, № 4, Ленинград, 18—19.
- К а р п о в а Л. 1997, Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка, Тарту.
- Н е к р а с о в а Г. А. 2002, Коми кывлён исторической фонетика (Историческая фонетика коми языка), Сыктывкар.
- Ч у ч Ш. 1992, Периодизация истории удмуртского языка. — Вопросы диалектологии и истории удмуртского языка, Ижевск, 48—61.
- В а r t e n s, R. 2000, Permiläisten kielten rakenne ja kehitys, Helsinki (MSFOu 238).

Г. А. НЕКРАСОВА (Сыктывкар)